

Константин Мартиросян

(Ереванский государственный университет
им. В.Я. Брюсова)

— родился в 1978 году в семье служащего. Я армянин, но в Ереване мама меня называла грузином, потому что родился я в Грузии. В 2018 году стал доцентом, и меня перестали называть грузином. Я не вырастил ни одного сада, не вырыл колодца... Наверно, поэтому мой любимый писатель — А.П. Чехов с кипучей энергией его переписки. А сподвижник Чехова — И.А. Бунин своими новеллами два десятка лет назад помог мне, начинающему преподавателю, завоевать сердца учащихся. «Эта “Натали” Бунина — пальчики оближешь, я теперь буду читать все что, Вы зададите», — такова была типичная реакция проблемного студента в Российско-армянском госуниверситете.

КОНЦЕПТ ВТОРОГО ЭТАЖА В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «АРХИВНОЕ ДЕЛО» В РАМКАХ ЗАОЧНОЙ ПОЛЕМИКИ С А.П. ЧЕХОВЫМ

(ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАНО:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ.

ЕРЕВАН, 2015. ВЫП. 6. С. 229-238)

Еще современники отмечали общие черты поэтики и осязаемое влияние А.П. Чехова на И.А. Бунина, которые, впрочем, сами писатели не были склонны признавать. «Мы с Вами похожи как борзая на гончую»¹ — такова реакция Чехова на постоянные «сближения» критиков. Сам Бунин тщательно подчеркивал свою творческую независимость, отсутствие подражательности. «Преклонялся только перед Толстым»² — не раз повторял Бунин. В советский период в трудах А. Бабореко, В. Гейдеко, В. Лакшина, Э. Полоцкой ис-

следуются творческие связи двух классиков, точки соприкосновения в поэтике. Среди многочисленных переключек с Чеховым, отмеченных критикой в творчестве Бунина, остается незамеченным заочный диалог писателя с безвременно скончавшимся коллегой в рассказе «Архивное дело» (1914). Наша задача — высветивание заочной полемики Бунина с Чеховым вокруг мотива «футлярной жизни».

Изображение Алексея Алексеевича Станкевича, уездного «Златоуста», в «Архивном деле» близко к традициям гоголевской сатиры. В его основе лежит архетип фарисея-лицемера, который «и перстом не дотрагивается до бремени», налагаемого им на людей. Высший авторитет уездной управы показан в двух эпизодах. Он стальным голосом говорит о непреклонной борьбе за русскую гражданственность, и буйная грива седых волос при этом возвышается над высоким челом, ниспадая на плечи, облеченные в черный сюртук. Во второй главе он наливается кровью и с бешенством кричит на доживающего девятый десяток лет Фисуна за то, что тот посмел воспользоваться уборной, предназначенной для руководителей управы. Мнимая возвы-

шенность первого эпизода призвана еще более обострить комичность второй сцены с участием Станкевича и Фисуна. Фигура Станкевича предстает в сатирических тонах с момента его появления и до его прихода в уборную. Здесь Бунин и оставляет своего героя: Станкевич более не интересен автору, поскольку последний считает этот образ достаточно развенчанным. В архетипе фарисея Бунин актуализирует, прежде всего, стремление «воссесть в первых рядах», он не жалеет красочных эпитетов и деталей для того, чтобы передать наслаждение Станкевича эффектом, произведенным его патетичной речью:

Он и наружностью похож был на льва. Правда, уже согбен годами и думами, лицом очень красен, взором важно-печален и тускл; поднялся медленно, концами дрожащих красных пальцев оперся на стол, крытый зеленым сукном, заговорил сперва тихо, отдельно... Но какая уверенность звучала в этих тихих, отдельно произносимых словах, какая буйна грива седых кудрей возвышалась над высоким челом, ниспадая на плечи, облеченные в простой черный сюртук!³.

---

1 А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1954. С. 490.

2 Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. арх. материалы: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 120.

3 Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М., 1988. С. 41. Здесь и далее тексты Бунина цитируются по данному изданию с указанием тома и страницы в круглых скобках.

В рассказе Бунина «Архивное дело» мало динамики, и это обстоятельство может быть истолковано, как еще одно подтверждение того, что дореволюционная проза Бунина тяготеет к статике, не содержит динамики характеров. Как справедливо отметил В. Лакшин, «Бунин любит задержать быстротечное впечатление, остановить миг и в него взглянуться, находя радость в самом этом пристальном всматривании»⁴. Однако, на наш взгляд, в «Архивном деле» автор сознательно подчеркивает отсутствие какой бы то ни было динамики, непоколебимое прозябание своего героя — Фисуна. Подчеркнутая размеренность первой половины рассказа заостряет его кульминацию. Подобно тепличному растению герой рассказа «Архивное дело» Фисун прожил более восьми десятилетий, не выходя за пределы своей лачуги и архива. Единственное посещение зала городской управы оказалось для него роковой бурей после затишья.

Изображение «закутанности» бунинского героя выполнено в чеховских традициях. Беликов — «человек в футляре» — «был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате»⁵. Бунинский Фисун описан более подробно: он носит «облезлую смушковую шапку, которую натягивал на голову ниже ушей, боясь, что в них надует», «поспешает» «в своем башлыке и болотных сапогах» (4: 36).

Фамилия главного героя, родственная чеховскому Фирсу, сви-

детельствует о заочной полемике с автором «Вишневого сада». Как справедливо отметила Э. Полоцкая, «вступив в литературную жизнь “на равных началах” с Чеховым, он (Бунин) не благоговение чувствовал к нему, а нечто вроде соперничества, в хорошем смысле этого слова»⁶. Бунин неоднократно высказывал неприятие драматургии Чехова, не уточняя, однако, творчество каких драматургов он рассматривает в качестве ориентиров, на которые следует равняться. «По мнению Бунина, это был совершенно замечательный писатель, общение с которым очень много ему дало, а все-таки чеховский театр Бунин не переставал ругать и над ним ехидно иронизировать»⁷, — вспоминает Александр Бахрах. Ср. также: «И опять “На дне” и “Вишневый сад”. И никому-то даже и в голову не приходит, что этот “Сад” самое плохое произведение Чехова, олеография...»⁸.

Сцену с забытым в заколоченном доме Фирсом (последний сюжетный ход последнего произведения Чехова) Бунин называл надуманной, подведенной под модную, шаблонную идею. Утверждения типа «Фирс не просто наделен чертам индивидуальной неповторимости, за ним встает история нации, страны»⁹ раздражали Бунина.

Фисун Бунина, как и Фирс Чехова, начал служить с детства. Как и у Фирса, все его радости связаны со службой. Восьмидесятилетнего Фирса забыли, оставив его на втором этаже в запертом доме. Фирс сам накликал на

себя беду, когда во втором действии назвал волю несчастьем:

Фирс. Перед несчастьем то же было: и сова кричала, и самовар гудел бесперечь.

Гаев. Перед каким несчастьем?

Фирс. Перед волей.

А между тем не секрет, что на вторых этажах располагались господские покои, слуги жили чаще всего в сенях, во флигеле или в самом доме — на первом этаже, но никак не на втором. Фисун у Бунина был счастлив, сидя взаперти на первом этаже, не смея подниматься на второй, твердо веря, что «низ и верх суть два совершенно разных мира, что во веки веков не расти двум колосьям в уровень, что до скончания времен пребудут большие и малые, власть и подчинение...» (4: 38). Кульминация и концовка рассказа призваны внушить читателю: Фисуну не следовало подниматься на второй этаж, покидать пределов архива. Призрак свободы обернулся для героя, плохо ориентировавше-

гося в пространстве, смертными узами, а глашатай свободы — мелочным деспотом. Он не только поднялся на второй этаж (впервые за всю свою без малого семидесятилетнюю службу), но и неслыханное дело: повязал голову красным платком. И именно этот красный платок сыграл роковую роль в его столкновении со Станкевичем: из-за платка Фисун (и без того тугой на ухо) не слышал, как отчаянно стучался в уборную «уездный лев» либерализма.

Здесь напрашивается в духе постструктурализма вывод о символичности данной сцены. Время внесло свои поправки, и текст говорит больше того, что хотел сказать автор. Через три-четыре года после публикации бунинского рассказа крестьянские массы, ослепленные и оглушенные большевистскими лозунгами («Миру мир», «Вся земля — крестьянам» и пр.), в большинстве своем поддержат ту власть, которая в дальнейшем запретит частное владение землей и в целом положит конец крестьянству как классу. Впрочем, не все согласят-

---

4 Лакшин В.Я. Пять великих имен. О А.С. Пушкине, А.Н. Островском, Ф.М. Достоевском, Л.Н. Толстом, А.П. Чехове. М., 1988. С. 432.

5 Чехов А.П. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 10. М., 1977. С. 43. Здесь и далее тексты Чехова цитируются по данному изданию с указанием тома и страницы в квадратных скобках.

6 Полоцкая Э.А. Чехов в художественном развитии Бунина // Иван Бунин: в 2 кн. М., 1973. Кн. 2. (Литературное наследство; Т. 84). С. 68.

7 Бахрах А.В. Бунин в халате и другие портреты: по памяти, по записям. М., 2005. С. 173.

8 Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. арх. материалы Т. 2. С. 78.

9 Собенников А.С. Художественный символ в драматургии Чехова: типологическое сопоставление с западноевропейской «новой драмой». Иркутск, 1988. С. 58.

ся с подобным заключением, и я не настаиваю на нем, поскольку статья писалась не ради политических дивидендов.

Не менее велик соблазн в традициях советской критики свести различия в чеховском и бунинском видении общественной иерархии к разнице в социальном происхождении двух писателей. Ведь Чехов — сын мещанина, часто повторявший: «Моего деда на конюшне секли». Бунин происходит из старинной дворянской фамилии и всегда с трепетом относился к своей родословной. Однако подобное заключение было бы весьма поверхностным: не следует забывать о том, что Бунину еще в молодости пришлось бороться с нищетой, его брат Евгений женился на крестьянке и своими руками обрабатывал землю. Не различия в социальном происхождении, а мировоззренческие ориентиры писателей предопределили разницу в концепте второго этажа. В выявлении различия мировоззренческих ориентиров Чехова и Бунина особая роль принадлежит литературоведению последних двух десятилетий.

В советском литературоведении получил распространение взгляд на Чехова как на писателя, продолжившего тему «маленького человека» в русской литературе, как на драматурга, предвозвестившего в своей последней пьесе конец старому миру. Достигалось это отсечением тех высказываний и самого писателя (надо признать, порой противоречивых), и его героев, которые могли бы дать

повод для иного истолкования. Сегодня, когда прежний социальный заказ отменен жизнью, ситуация начинает меняться. Однако в процессе формирования новой концепции мировоззрения Чехова, включающей новое освещение его религиозно-философских взглядов, появилась и противоположная тенденция предвозвестившего стремление на волне мистического бума не просто «освободить» Чехова от «напускного атеизма» и наделить «устойчивым христианским мировоззрением», что, на наш взгляд, является упрощением и спрямлением пройденного им пути, но даже представить его мистиком, оккультистом, приверженцем теософии Блаватской, в частности, теории реинкарнации. Подобная попытка отражена в книге Анны Яковлевой «Кто вы, доктор Чехов?». Уже на первых страницах работы критик стремится, вопреки всем предыдущим традициям чеховедения, представить подражательную пьесу Треплева в «Чайке» как гениальное откровение, причем отдельные мысли Треплева отождествляются с авторскими. Между тем широко известна резкая оценка Чеховым модного современного направления декадентов (старших символистов): «Жулики они, а не декаденты! Гнилым товаром торгуют... Религия, мистика и всякая чертовщина! Это все они нарочно придумали, чтобы публику морочить. Вы им не верьте. И ноги у них вовсе не “бледные”, а такие же, как у всех — волосатые»¹⁰.

Обращает внимание, прежде всего, весьма произвольное использование цитат, которые выдерживаются Яковлевой из общего контекста. Такова одна из первых цитат в книге:

Во всей вселенной остается постоянным и неизменным один лишь дух. Как пленник, брошенный в пустой и глубокий колодец, я не знаю, где я и что меня ждет. От меня не скрыто лишь, что в упорной, жестокой борьбе с дьяволом, началом материальных сил, мне суждено победить... [13: 14].

Эту фразу Нины Заречной Анна Яковлева представляет как некое философское откровение с элементом посвящения в древних мистериях — «настолько точно передал Чехов сакральное содержание оккультных формул»¹¹. На самом деле здесь содержится весьма прозрачная реминисценция из учения Гегеля о мировом духе. Весь монолог Нины Заречной в пьесе Треплева свидетельствует о подражательных затеях в его произведении. Во всяком случае, и речи не может быть «о гениальном прозрении». Вся переписка Чехова свидетельствует об уважительном отношении к «материальным силам» и материальным наукам. Ни о каком «дьяволе, начале материальных сил» ничего и в помине нет в его письмах.

Не случайно в приведенной выше цитате Яковлева представила последнее предложение в усеченном виде: «От меня не скрыто лишь, что в упорной, жестокой борьбе с дьяволом, началом материальных сил, мне суждено победить, и после того материя и дух сольются в гармонии прекрасной и наступит царство мировой воли» [12: 14]. Слова о том, что «материя и дух сольются», никак не вписываются в оккультные доктрины и, в частности, в теософское учение Блаватской и Рерихов (которое проповедуется в книге Яковлевой), и потому они опущены. Пьеса Треплева в «Чайке» — произведение в произведении. У Яковлевой фраза Нины Заречной вырвана из общего контекста как отдельно взятой пьесы, так и творчества Чехова в целом. Треплев, по сути, выразил идею всеобщего единения через создание образа мировой души, в которой слились все земные жизни и которая готовится к решающей борьбе с главным своим врагом, дьяволом. Но в таком обезличивании может таиться причина страданий обреченной на уничтожение индивидуальности. А сама эта душа — не близка ли той студенистой безликости, которую Чехов так резко не принял в суждениях Толстого о бессмертии? А. Яковлева приводит в своей книге выдержку из соответствующего письма Чехова Л.Н. Толстому: «Мое я, моя индиви-

---

10 Серебров (Тихонов) А. О Чехове // А.П. Чехов (CD-ROM). М., 2003.

11 Яковлева А. Кто вы, доктор Чехов? Коломна, 2006. С. 12-13.

дуальность, мое сознание сольется с этой массой, такое бессмертие мне не нужно, я не понимаю его»¹². Однако при этом мысль Чехова трактуется ею весьма своеобразно: «Замечу, что Чехов интуитивно ощущал бессмертие лишь некой части души, ее “индивидуальности”, что вполне соответствует представлениям теософии»¹³. На самом деле, ни одно религиозное течение не стирает так индивидуальность, как теософское учение о карме (предопределенности).

Современник Чехова и его знакомый, ялтинский учитель, впоследствии ставший священником, М. Степанов (Щукин) свидетельствует о том, что обряды церковные были знакомы Чехову до малейших деталей, и они не казались ему ненужными и уродливыми. По его словам, Чехов понимал и допускал возможность живого опыта веры. «И эти ощущения церковной красоты и умиления сердца не вызывали в нем никакой иронии, а описывались самым спокойным и серьезным тоном, по местам даже с оттенком чего-то теплого и сердечного»¹⁴. В качестве иллюстрации Степанов приводит пример коллективного плача верующих в «Архиерее», которое он считает точным изображением соборности.

В религиозно-философских исканиях Бунина нет той доли упорядоченности, системности, которую можно обнаружить у Чехова. В жизни Чехова определенную роль сыграли епископ Сергей Сухумский и епископ Михаил Таврический, протоиерей

В.А. Бандаков, на смерть которого он написал восторженный некролог. В отличие от Чехова, религиозные искания Бунина никогда не курировались духовным наставником, и потому с первых лет творчества читателя поражает причудливая смесь религиозных доктрин, эклектизм. Одни критики подчеркивают близость Бунина к православию¹⁵, другие называют его ветхозаветным¹⁶, третьи — додуховным¹⁷, языческим, некоторые декларируют связь с буддизмом¹⁸ и конфуцианством¹⁹, одни пишут о целомудрии²⁰ как отличительной черте Бунина среди современников, другие — об эротизме и «темных аллеях греха»²¹.

Наиболее контрастно освещается в критической литературе отношение Бунина к христианству. Г.П. Климова и В. Плешков видят «попытку особого богоприсутственного настроения ряда его произведений»²², уверяют в «христианской сути характера И.А. Бунина, не понятого ни современниками, ни нами»²³. Однако далеко не все цитаты из бунинских дневников, приведенные в подтверждение этой мысли могут быть приемлемы. Абсолютно не вписываются в социокультурную среду православия записи «о неотмщенности за эти оскорбления, о том, что слишком многое прощал, не был злопамятен, да и до сих пор таков»; «Жизнь нам Господь Бог дает, а отнимает всякая гадина»²⁴.

В своих дневниках Бунин не раз с горечью замечает, что мир населен большей частью двуногими горилла-

ми, что непросвещенные массы понимают только язык безжалостной силы. Эти высказывания родственны воззрениям теософов, утверждавших: избранникам, сверхчеловекам тяжело жить в окружении, которое их недостойно. «Среди человечества ангелов искать не приходится, истинно, мы живем в царстве, населенном в большинстве двуногими хвостатыми», — писала Е. Рерих²⁵. Как это ни парадоксально, свою близость к И.А. Бунину теософы не заметили, взамен постарались приобщить в свои ряды А.П. Чехова, неизменно

отвергавшего деление на избранных и толпу. «...Все мы народ, и все то лучшее, что мы делаем — есть дело народное», — отметил писатель в «Записной книжке» за 1891 год.

В авторском осмыслении образа Фисуна отчетливо проявляется влияние на Бунина буддистского учения о нирване, с которым он ознакомился под влиянием Толстого. Фисун был счастлив до посещения зала городской управы благодаря своей замкнутости, благодаря отсутствию земных желаний. Для Чехова же в концепции человека важнейшим критерием

---

12 Там же. С. 78.

13 Там же.

14 Степанов М.М. Религия Чехова // Цит. по: Абрашова Е.А. Христианские мотивы в творчестве Чехова. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. С. 6.

15 Дмитриева Т.Г. Проблема национального характера в прозе И.А. Бунина // И.А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения И.А. Бунина. М., 1995. С. 67.

16 Котельников В.А. Ветхозаветность у Бунина // Христианство и русская литература. 1996. Т. 2. С. 343-350.

17 Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. М., 1991. С. 78.

18 Марулло Т.Г. Рассказ Бунина «Братья»: апология буддизма // И.А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения И.А. Бунина. М., 1995. С. 95-99.

19 Мэн Сю-юнь. Символика природы в поэзии Бунина // Там же. С. 173-179.

20 Кустов О. Паладины. [Режим доступа]: http://zhurnal.lib.ru/k/kustow_o/glava_3_bunin.shtml [дата обращения: 17.08.2007].

21 Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. С. 78.

22 Плешков В.В. Концепция человека в творчестве И.А. Бунина. Дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 1997. С. 195.

23 Климова Г.П. Творчество И.А. Бунина и М.М. Пришвина в контексте христианской культуры. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1993. С. 364.

24 Там же. С. 363.

25 Цит. по: Кураев А.В. Сатанизм для интеллигенции. [Режим доступа]: http://www.fictionbook.ru/author/kuraev_andreyi/satanizm_dlya_intelligencii [дата обращения: 15.03.2007].

является стремление к полноте личности, к преодолению замкнутости и обособленности. «Высшее благо в мире чеховского творчества — единство человека с людьми, разумная, осмысленная жизнь. Высшее зло — отчуждение, обособленность и «жизнь беспроектная, как у собаки, которая “состоит из сплошного ужаса”. Это чеховское “pro” et “contra”, свет и тьма, страх и радость», — справедливо отмечает В. Линков²⁶. В истоке этой тоски по единению, возможно, лежит

православное учение о соборности, с которым Чехов был, несомненно, знаком. Духовность Чехова принципиально различается от духовности Бунина, она питается иными источниками и потому чеховская концепция творческой личности и толпы, рядового человека в корне отличается от бунинской.

---

26 Линков В.Я. Художественный мир прозы А.П. Чехова. М., 1982. С. 56.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники:

1. Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4: Произведения, 1914–1931. М.: Художественная литература, 1988. 702 с.
2. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 10: 1898–1903. М.: Наука, 1977. 491 с.
3. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 12: Пьесы, 1889–1891. М.: Наука, 1978. 400 с.
4. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 13: Пьесы, 1895–1904. М.: Наука, 1978. 519 с.

Список литературы:

1. Бахрах А.А. Бунин в халате и другие портреты: по памяти, по записям. М.: Вагриус, 2005. 588 с.
2. Дмитриева Т.Г. Проблема национального характера в прозе И.А. Бунина // И.А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23-24 октября 1995 г. М.: Наследие, 1995. С. 66-71.
3. Егоров Б.Ф. Структура рассказа «Дом с мезонином» // В творческой лаборатории Чехова. М.: Наука, 1974. 365 с.
4. Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. М.: Скифы, 1991. 209 с.
5. Климова Г.П. Творчество И.А. Бунина и М.М. Пришвина в контексте христианской культуры. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1993. 412 с.
6. Котельников В.А. Ветхозаветность у Бунина // Христианство и русская литература. 1996. Т. 2. С. 343-350.
7. Кураев А.В. Сатанизм для интеллигенции. [Режим доступа]: http://www.fictionbook.ru/author/kuraev_andreyi/satanizm_dlya_intelligencii [дата обращения: 15.03.2007].
8. Кустов О. Паладины. [Режим доступа]: http://zhurnal.lib.ru/k/kustow_o/glava_3_bunin.shtml [дата обращения: 17.08.2007].
9. Лакишин В.Я. Пять великих имен. О А.С. Пушкине, А.Н. Островском, Ф.М. Достоевском, Л.Н. Толстом, А.П. Чехове. М.: Современник, 1988. 458 с.
10. Линков В.Я. Художественный мир прозы А.П. Чехова. М.: Изд-во МГУ, 1982. 128 с.
11. Марулло Т.Г. Рассказ Бунина «Братья»: апология буддизма // И.А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23-24 октября 1995 г. М.: Наследие, 1995. С. 95-99.
12. Мэн Сю-юнь. Символика природы в поэзии Бунина // И.А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения И.А. Бунина, 23-24 октября 1995 г. М.: Наследие, 1995. С. 173-179.
13. Плешков В.В. Концепция человека в творчестве И.А. Бунина. Дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 1997. 245 с.
14. Полоцкая Э.А. Чехов в художественном развитии Бунина // Иван Бунин: в 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 2. (Литературное наследство; Т. 84). С. 66-89.
15. Серебров (Тихонов) А. О Чехове // А.П. Чехов (CD-ROM). М., 2003.
16. Собенников А.С. Художественный символ в драматургии Чехова: Типологическое сопоставление с западно-европейской «новой драмой». Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988. 194 с.
17. Степанов М.М. Религия Чехова // Цит. по: Абрашова Е.А. Христианские мотивы в творчестве Чехова. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 181 с.
18. Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. арх. материалы: в 3 т. Т. 2. М.: Посев, 2005. 431 с.
19. А.П. Чехов в воспоминаниях современников. Изд. 2-е, дополн. М.: Гослитиздат, 1954. 682 с.
20. Яковлева А.В. Кто вы, доктор Чехов? Коломна: [б. и.], 2006. 193 с.